

КАДРОВЫЙ СОСТАВ ВОРОНЕЖСКОГО ОБЛЛИТА: СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ

А. А. Строева

Курский институт социального образования (филиал) РГСУ

Поступила в редакцию 27 февраля 2012 г.

Аннотация: в статье речь идет о начальном этапе строительства цензурного аппарата в Воронежской губернии, приводится кадровый состав гублита, требования к поступающим на работу.

Ключевые слова: цензура, цензор, кадровая политика, Главлит, гублит.

Abstract: it is said in the article about the first period of arranging the censorial system in Voronezh region, the cadre of the province literature department and requirements to employers are described.

Key words: censorship, censor, personnel policy, main department of literature, department of literature in province.

Искусство управления состоит в том, чтобы не позволять людям состариться в своей должности.

Наполеон I

Изучение практики организации цензурской деятельности в Советском государстве началось сравнительно недавно, поскольку до 1991 г. отрицался сам факт наличия цензуры в стране. На сегодняшний день в этой области исследований наметился большой прогресс. Например, можно назвать комплексное исследование советской цензуры Т. М. Горяевой [1]. Интерес представляют и работы А. Блюма, отдельная глава в которой посвящена кадровому составу цензурного ведомства [2]. Однако работ, посвященных осуществлению цензуры в регионах, по-прежнему очень мало, что мешает воссоздать полную картину организации и осуществления цензуры в Советском Союзе.

6 июня 1922 г. было создано Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) при Наркомпросе РСФСР. На него возлагались обязанности предварительного и последующего цензурного контроля в целях охраны политических, идеологических, культурных и военных интересов страны. А уже спустя несколько месяцев началось создание системы органов лита на местах, которые выполняли те же функции в регионах. Так, в 1923 г. были созданы губернские отделы по делам литературы и издательств (гублиты) в Курской и Воронежской губерниях как самостоятельные подотделы при губернских отделах народного образования (губоно). В 1928 г., когда в стране вводится новое административно-территориальное деление, появляется Центрально-Черноземная область с центром в г. Воронеже, было создано областное управление по делам литературы и издательств, находившееся в Воронеже (обллит). В

бывших губернских городах создаются городские управления (горлиты).

«Кадры решают всё» – лозунг первых пятилеток, вполне справедливый и для практики цензурной деятельности в регионах. Вопрос о кадрах долгое время оставался центральным в работе цензурных органов на местах. Особое значение он имел на этапе организационного оформления цензурного аппарата в губерниях.

Цензурные органы (или органы лита) на местах работали в тесном контакте с руководящими партийными органами, которые выполняли функцию идейного руководства. «Главная сила и неуступчивость цензуры в нашей стране, породившие ее уникальную способность к самосохранению и самовоссозданию, заключаются в том, что важнейшим определяющим звеном в этой регулирующей цепи являлась партия, возведенная в ранг государственной структуры, действующая в тесном сотрудничестве с репрессивными органами», – пишет Т. М. Горяева [1, с. 138].

Уже в мае 1925 г. Главлит и центральная штатная комиссия утвердили штат для воронежского обллита в три рабочие единицы, куда вошли заведующий гублитом, политредактор и секретарь.

К осени 1925 г. в штат гублита входило три сотрудника: завгублитом, сотрудник-специалист (по всей видимости, названный Главлитом политредактором) и секретарь. Но уже 15 декабря того же года из штата вывели сотрудника-специалиста и ввели инспектора зрелищ. Можно предположить, что изменилось только название этой должности в штатном расписании, а обязанности сотрудника существенно не изменились.

Циркуляром от 21 октября 1925 г. Главлит выражал обеспокоенность некоторыми особенностями организации работы его органов на местах. Дело в том, что во многих гублитах слишком часто менялись заведующие (иногда 3–4 человека за год), что плохо отражалось на работе местных цензурных органов и не давало возможности «не только улучшить работу, но и поддерживать ее на должной высоте» [3, д. 1915, л. 2]. При этом в центре понимали, что на местах явный дефицит работников «средней квалификации», но именно специфика работы по цензурному контролю заставляла проявлять особую осторожность в подборе кадров для органов лита на местах, и в частности при назначении заведующих. В циркуляре прямо указывается: «Наличие образования общего, в частности марксистского, участие в прошлом или настоящем в литературно-газетной работе является одним из неприменных условий, гарантирующих до известной степени, от допущения гублитом идеологических ошибок».

Конечно, понимая все сложности, Главлит часто шел на встречу предложениям с мест и назначал на должности заведующих губернских отделов по делам литературы и издательств не вполне подходящих людей, надеясь, что инструкции из центра и периодические вызовы в Главлит для отчета позволят поднять работу по цензуре на местах на должную высоту. Однако если завгублитом постоянно меняется, то нет никакого смысла в его вызове в Москву, поскольку он не достаточно еще разбирается в работе, а часто «не только не делится своими знаниями по литовской работе со своим преемником, но очень часто передает ему дела лита в хаотическом состоянии». И Главлит начинает подготовку кадров заново. Такая чехарда местных цензурных начальников не позволяла наладить нормальный порядок цензурной деятельности на местах. Именно поэтому Главлит запретил занимать должность завгублитом по совместительству еще в 1924 г., а с осени 1925 г. потребовал от губернских отделов народного образования согласовывать с гублитом не только назначение на должность завгублитом, но и снятие с нее.

Должность заведующего обллитом в Воронеже с 1925 до 1927 г. занимал Б. В. Дмитриев. В его обязанности входили «общее руководство всей работой гублита, согласование в разных инстанциях принципиальных вопросов, связанных с цензурой, предварительный просмотр и разрешение на издание печатного материала, проводить последующий контроль напечатанных изданий в уездах, руководство зрелищным делом в губернии, составление списков, надлежащих изъятию книг». Должность инспектора зрелищ занимал С. Г. Бескровный, который по своим должностным обязанностям выполнял следующие виды работ: «разрешение/запрещение зрелищных, публич-

ных постановок в г. Воронеже, последующий контроль за всеми постановками в г. Воронеже, рассмотрение репертуара уездов, его оценка и представление на утверждение завгублитом, составление всей отчетности по зрелищному разделу губернской работы, ведение всех дел, связанных с разрешениями, запрещениями и контролем зрелищных постановок по указанию заведующего гублитом». Сотрудники-специалисты в обллите часто менялись. На момент составления отчета в конце 1925 г. эту должность занимал В. И. Прохоров. На него возлагались такие обязанности: подготовка материала и отчетности по гублиту, сверка исправлений печатного материала по оригиналам разрешенных к печати текстов, наблюдение за своевременной платой полистного и гербового сбора, а также за своевременной отсылкой в ЦКП отпечатанных брошюрованных материалов, секретная переписка гублита, подготовка к выдаче поступивших на цензуру текстов, а также ведение дел переписки и журналов, связанных с работой гублита, отправка отчетности и вышедшего печатного материала в Главлит. Весь объем работ сотрудник-специалист выполнял по указанию заведующего гублитом [3, д. 1918].

Примерно с апреля 1926 г. гублиту добавят еще одного сотрудника – инспектора печати. Эту должность займет В. И. Прохоров. Уже с января 1926 г. для всей несекретной переписки гублит стал использовать технический аппарат губоно, а секретная велась только основными сотрудниками гублита [3, д. 2104]. Сотрудников по совместительству в гублите не было, так как совмещать работу по цензуре с любой другой, в том числе и политпросветительской, Наркомпрос запретил еще в 1924 г.

Таким образом, можно отметить, что штат гублита постепенно расширяется. Причем количество сотрудников увеличивается не за счет роста технического персонала, а за счет сотрудников, которые непосредственно осуществляли цензурный контроль. Хотя, в своих отчетах начальник гублита постоянно отмечал нехватку квалифицированных кадров вообще и количества ставок в гублите в частности. В отчетах воронежского гублита содержатся частые указания на это и просьбы увеличить штаты, поскольку такое положение вредит работе. Наибольшее внимание уделялось предварительному контролю, а последующий осуществлять было крайне тяжело, так как не было необходимых штатов. Однако процесс увеличения штатов шел крайне медленно.

Традиционным для того времени являлось создание первичных партийных организаций при различных производственных объединениях. Они служили связующим звеном между партийным руководством и рядовыми членами партии и создавались обычно по производственному принципу. Первичные пар-

тийные организации выполняли функции учета членов партии, вели агитационную и пропагандистскую работу, следили за выполнением решений вышестоящих партийных органов. Не стал исключением и воронежский обллит. 28 октября 1934 г. на заседании бюро центрального районного комитета ВКПб было принято решение создать первичную парторганизацию при обллите, в состав которой вошли 14 человек – все сотрудники обллита, как состоящие в партии, так и кандидаты в члены партии [4, д. 1, л. 1]. В нее вошли начальник обллита Ф. А. Терновой, его заместитель Г. Е. Московых, восемь уполномоченных обллита, два политредактора и два инспектора по библиотекам. Следует отметить, что штат обллита к 1934 г. значительно вырос. Таким образом, практика цензурской деятельности находилась под присмотром высших и местных партийных органов. При этом партия, по точному замечанию Т. М. Горяевой, определяла кадровую политику в области цензуры.

В 1937–1938 гг. в стране проводились массовые репрессии, которые затронули все без исключения государственные структуры. Поиск внутренних врагов велся по всем направлениям. Не стали исключением и органы цензуры как в центре, так и на местах. В самом Главлите началась борьба с «троцкистско-бухаринскими, буржуазно-националистическими шпионами и вредителями». По данным Т. М. Горяевой, из 144 работников центральных цензурных органов органами НКВД было изъято 44 человека. Примеру из центра последовали и на местах [1, с. 215–216].

В 1937 г. в воронежском обллите начались гонения на председателя обллита Михаила Малофеевича Бабашева. На одном из партсобраний его обвинили в связи с врагами народа и «протаскивании троцкизма». Вполне вероятно, что негативное отношение к начальнику со стороны коллектива было вызвано его собственной позицией по отношению к сотрудникам. Хотя сам Бабашев объяснял ухудшение отношений с сослуживцами своей повышенной, но необходимой требовательностью к ним.

Жалобы начальника обллита М. М. Бабашева на неудовлетворительную работу своих сотрудников, а иногда и просто «преступную халатность» стали поступать партийному руководству еще осенью 1937 г. Он жаловался секретарю РК ВКПб на уполномоченного обллита при типографии УМП № 1 И. П. Курасова и военного цензора Е. Г. Московых, которые пытались создать «нездоровую обстановку» в коллективе и настроить всех против начальника.

Это связано с постоянными замечаниями в их адрес со стороны начальника за некачественную работу. Так, И. П. Курасов в газете «Революционный пост» от 7 ноября 1937 г. пропустил контрреволюци-

онную формулировку: «Но тем ярче встает передо мной настоящая радостная жизнь в стране *не победившего социализма*», – а впоследствии вообще отказался принимать изъятые из библиотеки ВГУ книги. Военный же цензор Московых не только помогал Курасову скрывать факты этих нарушений, но и сам делал подобные ошибки. Например, пропустил контрреволюционную формулировку в афише «Я люблю», за что получил выговор в сентябре. За это нарушение Бабашев обращался к начальнику Главлита С. Б. Ингулову с просьбой об утверждении снятия Московых с должности, однако этого не произошло. Причем подобные нарушения, по свидетельству Бабашева, сотрудники допускали неоднократно [4, д. 3, л. 29–36].

На закрытых собраниях первичной парторганизации 19 и 21 декабря 1937 г. начальник обллита публично покаялся: «Я груб был по состоянию здоровья, но на мои заявления не отвечали. ... Я был груб и допускал бюрократизм и не обеспечил политического руководства обллитом. Это я признаю», однако отрицал связь с врагами народа, хотя и признавал, что за несколько лет работы в обллите (с 1933 г.) уже получал выговор за «протаскивание троцкизма», но потом исправился и даже имел похвальные грамоты. Несмотря на это большинство присутствующих выступили с критикой в адрес начальника: «Для Бабашева оклеветать человека ничего не стоит», «Условия работы в аппарате и типографиях не созданы для работников», «Он выгонял посетителей с начала своей работы и до последних дней» и т.п. [4, д. 4, л. 9–12 об.].

В результате Бабашева признали виновным в целом ряде нарушений (протаскивание троцкизма, бюрократизм, зажим критики, не обеспечение политического руководства Облитом, ликвидация воронежского горлита, работа которого была переложена им на работников последующего контроля, что вызвало их перегрузку и привело к «грубым нарушениям и извращения в печати», задержке изъятия контрреволюционной литературы и др.), а дело передали на рассмотрение в райком ВКПб.

По какой-то причине делу не был дан ход. И уже через несколько дней эта история получила продолжение. Уже 2 января 1938 г. секретарю РК ВКПб Разенкову от Бабашева поступила докладная записка о недопустимом поведении работников обллита. Дело заключалось в следующем: на премирование лучших работников из фонда заработной платы было сэкономлено 500 руб., однако эти деньги профорг Курасов и партком Московых потратили не по назначению. В здании обллита они устроили «вечер с выпивкой», «на котором кое-кто напился так, что потребовалась посторонняя помощь, чтобы дойти до дома, а сам Московых еле держался на ногах. К лицу ли это сек-

ретарю парткома так напиваться за счет государственных средств?» [7, л. 19–24].

На заседании партколлегии комиссии партийного контроля 16 января 1938 г. было принято решение провести расследование по этим обстоятельствам. Выяснилось, что на общем собрании членов профсоюза решено было устроить новогодний вечер с «баянистом и патефоном». И уже 5 января 1938 г. секретарю РК ВКПб поступает еще одна докладная записка от уполномоченного воронежского обллита И. П. Кузьмина, в которой он просил наказать Московых и Курасова за испорченный новогодний вечер и за то, что «...многие полагали, что на столах стояли бутылки со спиртом и пивом, а на деле оказалось, что на бутылках этикетки только, а по существу спирт смешанный с зубровкой, ситром и пивом» [7, л. 27].

Об этих жалобах, по всей видимости, стало известно остальным сотрудникам обллита. Уже 8 января Бабашев обращается к Разинкову с просьбой защитить его от травли со стороны Московых и других сотрудников.

К сожалению, плохая сохранность документов архива не позволяет восстановить полную картину происшедшего. Однако известно, что в результате расследования, предпринятого райкомом партии, Бабашев был снят с должности начальника обллита,

но из партии его не исключили. Новогодний вечер в обллите, по свидетельству остальных его участников, прошел довольно спокойно, пьяных на нем не было, а уже к восьми часам вечера все участники празднования нового года направились в цирк с детьми [8, л. 55–59 об.].

Таким образом, процессы, протекавшие в центре, нашли свое отражение на местах. Множество разногласий среди сотрудников воронежского облита и скудность сохранившихся документов не дают нам возможности с большей или меньшей степенью достоверности предполагать справедливость обвинений в адрес Бабашева. Скорее всего, кроме объективных фактов его неуклюжего руководства работой по цензуре в области имели место и субъективные факты не сложившихся личных взаимоотношений сотрудников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР : 1917–1991 / Т. М. Горяева. – М. : РОССПЭН, 2009. – 407 с.
2. Блюм А. В. Советская цензура в эпоху тотального террора : 1929–1953 / А. В. Блюм. – СПб. : Академический проект, 2000. – 312 с.
3. Государственный архив Воронежской области, ф. Р-1, оп. 1.
4. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области, ф. 315, оп. 1.

Курский институт социального образования (филиал РГСУ)

Строева А. А., кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, теории и методики социальной работы

E-mail: anna-2909@yandex.ru

Тел.: 8-908-128-36-62; 8-919-173-85-12

Kursk Institute of Social Education (Branch of the RSSU)

Stroeva A. A., Candidate of Historical Sciences, Senior Teacher of the Department of History, Theory and Methods of Social Work

E-mail: anna-2909@yandex.ru

Tel.: 8-908-128-36-62; 8-919-173-85-12